

До первой звезды

Служебная карьера... Чем дальше она от столицы, тем движется быстрее. Во всяком случае у главного наркополицейского Свердловской области Михаила Кагана сложилось именно так

Сергей ПЛОТНИКОВ

Генералами не рождаются. Зато многие мечтают стать ими. Под какой псевдонимой звездой появиться на свет, чтобы в добрый час она превратилась в генеральскую? Через какие тернии надо пройти по пути к этим звёздам?
Михаил Каган носит генеральские погоны третий год. За это время к первой звезде добавились вторая: указом президента в конце 2012-го начальнику управления ФСКН России по Свердловской области присвоено звание генерал-лейтенанта полиции.

Шестерёнки скоростей

— Михаил Дмитриевич, мы с вами люди, скажем так, не быстро рослые. В детстве это, помню, создаёт проблемы: какой-нибудь дядя норвит дать щелбана, думая, что безнаказанно...
— И получает сдачи. А иначе никак. Я родился и вырос на окраине Тулы, оттуда родом вся моя семья, мы до третьего поколения коренные туляки. Не скажу, чтобы район считался хулиганским, но нравы были ещё те. В общем, границы личного пространства приходилось определять точно и постоянно отстаивать.
— Тула — это самовары, пряники, гармошки...
— Мой дед как раз работал на гармонной фабрике. А отец собирал автоматы Калашникова.

— Ну как же: знаменитый ТОЗ — оружейный завод. Три строгих буквы на стволе малокалиберной винтовки. Запах после выстрела: пороховая гарь, ружейное масло и горячая сталь школьной «гозовки». Также ходили в стрелковый кружок?

— А вот и нет. В Туле расположен, кроме прочего, старейший в России велотрек, построен ещё в 1891 году. Город и область дали более ста двадцати чемпионов России, Европы и мира в этом виде спорта. База, тренеры — всё было. И главное — давали велосипед да не абы какой, а спортивный.

— «Рогатый» руль, перелачатель скоростей, куча шестерёнок звездочек. Я о таком в детстве мог только мечтать. Иногда попросить покатаются...

— А нам их давали домой. Можно сказать, что я больше крутил педали, чем ходил пешком. Восемилетку и технику закончил, не слезая с велика. Выполнил норму КМС — кандидата в мастера спорта. А тут как раз пошла мода на каратэ. Вышел фильм «Пираты XX века», стали появляться секции. Поскольку мне велосипед дал хорошую общефизическую подготовку, то в каратэ дела пошли неплохо. Кроме того, у меня был «дефицитный вес» — пятьдесят пять килограммов. Через три-четыре месяца тренировок меня выставили на чемпионат области, и я в своей весовой категории занял первое место. Правда, мне сломали нос, но его мне и потом ломали.

Там, где был генерал старшиной

— И так, первыми «звёздочками» будущего генерала стали шестерёнки перелачателя скоростей спортивного велосипеда. Потом сверхлёгкий вес. Как вы попали в спорт, понятно.
— А через спорт попал в воздушно-десантные войска. В ВДВ был строгий отбор, в том числе и по росту. При ста восьмидесяти сантиметрах весить 55 килограммов — нереально. Поэтому в «лёгких весах», вроде моего, за ВДВ бились в основном «сыны полка» — воспитанники спортивных рот. Когда летом 1983 года, ещё за несколько месяцев до моего призыва, в спортзале появились два офицера из Стойшей (106-я гвардейская воздушно-десантная дивизия дислоцируется в Туле — «ОГ») и пред-

ложили у них освоить «рукопашку», то есть комплекс армейского боя, который отличался от обычного каратэ, я долго не раздумывал. И уже через несколько дней поехал на чемпионат ВДВ в Каунас. В столице чудом не попали на «губу», в Каунасе мне опять сломали нос и палец на руке, крепко помяли рёбра, но в своём весе я стал вторым.

— И обеспечил спокойную службу в спортроту?

— Нет. Хотя в ноябре, когда начался призыв, я уже знал, что военкомат для таких спортсменов — это формальность. Остальные едут кто куда, а нас просто заберут в спортроту. Мы даже оделись не как все: не во что похуже, а в спортивные костюмы. Вот они-то как раз и бросились в глаза заезжему начальству. Как бывает в армии, да и не только в ней, это начальство всё переназначило. Я поехал служить в тот самый Каунас, в обычную роту ВДВ. Когда через несколько месяцев меня нашли туляки и предложили вернуться до дому, уже отказался.

— Почему?
— Ещё в техникуме нравились дальние практики. Хотел видеть новые места, опять начинать всё самостоятельно, без протекторной дорожки.

— Обычно подобные настроения — если они вообще есть — с возрастом проходят. Испытывать себя и судьбу становится всё тяжелее. От резких поворотов трещат кости и биография. Искушает успех. Помните, у Окуджавы: «И вот уже что-то малячи перед нами, / Но что-то погасло вдали».

— Если бы погасло, так и остался старшиной-сверхсрочником в ВДВ. Но не остался.

— Однако и на гражданку толком не вернулся?

— Пошёл работать в уголовный розыск.

«Милицейский Диоген»

— Вы пришли в милицию перед «лихими 1990-ми», когда многие стали, наоборот, из органов уходить.

— Да, был некомплект сотрудников, работали круглыми сутками. Но мне было очень интересно. Помните, это живая работа. Почти мужское занятие. Мы вступаем в дело, когда зло уже свершилось, вырвалось наружу. Преступление уже произошло. Но в наших силах сделать так, чтобы оно не повторилось. А те, кто совершил его, были наказаны. Понятно, что наказывать будем не мы, это работа для судей. Доказывать вину и невиновность тоже есть кому. Наше дело искать. И мы ищем. Наше дело поймать — и мы ловим. Чтобы знать, где искать и кого ловить, надо крепко думать. И мы думаем.

— Понятно, что работа сыщика состоит не из одних лишь перестрелок и погонь. Рутини всегда больше. Но было нечто, что врезалось в память навсегда?
— А как же. Но позже, когда работал уже по линии борьбы с организованной преступностью.

— Борьба с мафией, ко-

Начало 1990-х. На дверце сейфа в кабинете Михаила Кагана — карта Тульской области: в её глубинке тогда жил «милицейский Диоген»

нечно, высший пилотаж. Но вряд ли до него допустят без опыта той самой рутинной работы, о которой шла речь.

— Без работы на «земле» — так на милицейском сленге называют райотдел милиции. Уголовный розыск райотдела соответственно зовут «уплом».

— Для кого-то он может стать тупикивым. Устанет сыскарь от ночных вызовов, придирок начальства, тупого вранья мелких жуликов. Опустит руки, сидит на стакан — и мимо, мимо пройдет оперская удача. Останется считать годки до пенсии.

— «Угол» может превратиться в школу мастерства. Уже после командировки в Чечню и академию я вернулся в Тулу и мог спокойно оставаться в ней, но на бумажной работе.

— А если на «земле»?
— Тогда милости просим заместителем по оперативной работе (зампоопером) в Заокский район. Меньше ста километров от Тулы, но жить пришлось в железной бочке — строительной балке, засыпанной под войлок, просыпанной от холода. На «милицейского Диогена» приезжали смотреть как на чудака.

— Когда вы получили своё первое жильё?

— В 38 лет. Но зато когда ещё одного выходца из Тулы назначили командовать Смоленским областным управлением внутренних дел, он сразу вспомнил, что сможет поесть в глубинку. Правда, начальником райотдела на границе с Белоруссией мне пришлось побить недолго. Через пару месяцев перевели в самый проблемный РОВД Смоленска, в юрисдикцию которого входил центральный рынок, автовокзал и цыганский посёлок.

— И как?
— Ещё через год на вопрос заезжих жуликов, чья земля (кто контролирует территорию), местные со вздохом отвечали: «Земля за колодезом».

— То есть пронизана агентурной сетью, сплетённой

сыскарями, мимо которых не то что залётный щипач — даже муха не пролетит. И всё же, чтобы стать заместителем Смоленского УБОПа (Управление по борьбе с организованной преступностью — «ОГ»), этого мало.

— Этнические группировки, «рыночная мафия» — это да. Но нужен и особый опыт.

— Он был ещё с Тулы. Вместе с другим опером, этническим корейцем Цоем, мы разрабатывали оружейную тему. Учитывали специфику города, это логично. Работали под мелкими бандогангами. Дескать, нам нужны стволы, лучше «тэ-тэшки», причём некайтского производства. Приезжали на «стрелку». Просили показать товар в действии. Поднимали скандал: дескать, нам пытаются впарить негодное оружие. И уезжали. Продавцов тем временем брала под наблюдение наружка, и где-нибудь через час в другом районе города их задерживали.

— Зачем же через час и в другом месте? Это же риск уступить. Лучше сразу...

— И засветить всю комбинацию? Криминальные оружейники бы сразу просчитали, кто их сдал. А так мы уже далеко, пистолеты со следами выстрелов, порохового нагара как стопроцентные улики остались при продавцах. Они потом на допросах ещё и нас «сдавали»: мол, были какие-то двое: армянин (я работал под этот образ) с азиатом — ну полные отморозки. Нам удалось провести пятнадцать (!) подобных «антизаклюпок».

— Раз уж вы затронули этническую тему, позволю себе непростой, но уместный вопрос: фамилия в карьере не мешала?

— Да понятно, что уж там. Скажу так: помогала фамилия.

— В среде силовиков? При прочих равных бывает, что повышение дают другому, с «правильными» Ф.И.О.

— Просто я знал, что с моей фамилией надо работать не просто хорошо, а очень хорошо. Это и помогало. После УБОПа в Смоленске два

года возглавлял управление уголовного розыска в Пермском областном милицейском главке. И снова встал перед выбором — остаться в полиции или перейти в Госнаркоконтроль. Перешёл и переехал на Ямал.

— Другие всё больше тянутся к столице, а вы уезжали от неё всё дальше.

— С теми, кто гоняется не за звёздами, а за работой, чаще всего так и бывает. А звёзды что ж, они находят служилого человека хоть где. Того, кто привык работать на земле, в провинции, кстати, быстрее, чем в центре.

Ремонт социального лифта

— Весной позпрошло года вам доверили свердловское областное управление Госнаркоконтроля. Вторая генеральская звезда не заставила себя ждать. Неплохая карьера для человека, начинавшего с диогеновой бочки.

— Начинать-то я с велосипеда...

— Теперь подростки въезжают в жизнь на совсем других «колёсах».

— Вы о наркотиках? Тогда вряд ли верно обобщать. За последние годы в общественном сознании произошли значительные перемены. Многим стало очевидно, что наркотики — дорога в никуда. Не по книжкам и не с чужих слов. Уже не одно поколение наркозависимых дошло до последней черты. Люди это видят. Угроза генофонду нации перестала быть каким-то абстрактным понятием. Также же, как и карательная практика государства в отношении организаторов наркобизнеса и их пособников.

— Вы не раз говорили: разгром наркотрафиков и той инфраструктуры, что их обслуживает и крышует — это дело профессионалов...

— Исключительно и только их, то есть — нас. Вы представляете, кого рекрутируют в наркокурьеры? В одной из колоний Среднего Урала вместе отбывали наказание отпетые убийцы и, скажем так, героиновые «менеджеры» средней руки. Они устроили своеобразный кастинг, отобрав из тех, у кого кончался срок, самых свирепых, готовых на всё. Наличие мозгов в набор минимальных требований не входило. Такие не обходят препятствия, они сметают их, не брезгуя ничем.

— Против подобных рекрутов должны действовать не просто сыщики, а волкодавы. Госнаркоконтроль походит скорее не на полицию, а на спецслужбу. После кропотливой агентурной и аналитической работы, в которой ФСКН действует порой вместе с такими же службами нескольких стран, через которые проходит серия силовых, почти войсковых, операций. Очень похоже на лозунг крылатой пехоты: с неба на землю — и в бой?

— Дело не в названии. Оперская работа — это как охота. Противостояние. Азарт. Ты его отловил, разговорил, убедил, доказал — вот это мастерство. И чтоб без крайностей. Нужно бороться со злом, но нельзя ненавидеть злодея. Иначе как с ним разговаривать, через не могу? Врач не может ненавидеть опухоль. Но и падать в обморок при виде крови не должен. Чрезмерная чувствительность, как и лишний пафос, нашему брату противопоказаны.

— Однако с образом малочувствительного профессионала не очень-то стыкуются недавние по времени публичные выступления. В них настойчиво звучит тема, которая больше подходит инспектору по делам несовершеннолетних, чем оперативнику-скорочувствителю. Чтобы читатель было понятно, процитирую один из текстов антинаркотической колонки «Областной газеты»: «Задача борьбы с наркоопасностью — многоуровневая и многопрофильная. Только полициейскими мерами проблему не решить. Мы привлекаем правонарушителей к ответственности, изымаем из среды, а они через какое-то время возвращаются в неё, и снова — к наркотикам. Порочный круг может разорвать только реабилитация». Это ваши слова.

— Всё верно. На недавней встрече с Президентом страны глава нашего ведомства Виктор Иванов говорил то же самое: наряду с полицейскими мерами сокращать спрос на наркотики. Это можно сделать, освободив наркопотребителей от зависимости.

— И дальше речь идёт о национальной системе комплексной реабилитации и возврата в общество. Глава Госнаркоконтроля докладывает главе государства, что такая программа уже разрабатывается. Локомотивом выступают как раз ФСКН. 15 марта в столице прошло заседание Государственного антинаркотического комитета. Знаю, что в те дни вы тоже были в Москве. Генерал-сыщик готов стать нянькой для трудных подростков?

— Профессионалы сыска и расследования должны и могут выявлять пути, по которым наркотики проникают в общество. Но только само общество в состоянии разорвать порочный круг, когда вышедший из наркологической клиники человек через некоторое время снова попадает в неё. Реабилитировать зависимость, вернуть его к нормальной жизни — значит выбить у наркобизнеса почву из-под ног.

— А как бы сделать так, чтобы каждого пацана на пороге взросления ждал не наркотодилер, а командир спортроты? Или другой, как говорят сегодня, социальный лифт?

— Для начала нужны силы и желание нажать на его кнопку. Не бояться, что по дороге тебе мангут рёбра или сломают нос.

— Кстати, сами-то когда в последний раз выходили на татами? Или это не генеральское дело?

— Есть хороший спортзал у нашего спецназа. В управлении почтислы кладовку, повесили боксёрский мешок, принесли штангу. Во втором отсеке моего кабинета есть перекладина. Так что всё под рукой.

— Я-то имел в виду соревнования.

— В 2005 году решил потряхнуть стариной. Был чемпионат МВД по рукопашному бою. Мне казалось, я в хорошей форме. Но возраст не учёл. В общем, как говорят в спорте: главное не победа, главное — участие. Чтобы с ринга не унесли. И ничего: отстоял восемь боёв. Правда, без потерь.

— Дайте отгадку: вам опять сломали нос.

— Само собой. Но не упал, выстоял.

ДОСЬЕ «ОГ»

Михаил Дмитриевич КАГАН
Родился в 1964 году в Туле.
В 1988 году поступил на службу в органы внутренних дел. За 21 год прошёл путь от оперуполномоченного уголовного розыска районного отдела милиции до начальника Управления уголовного розыска ГУВД по Пермскому краю.
В 1996 году окончил юридический институт МВД России, в 1998 году — Академию управления МВД России по специальности «организация правоохранительной деятельности».

Кандидат педагогических наук. Участвовал в наведении конституционного порядка на территории Северного Кавказа, неоднократно выезжал в служебные командировки в Чеченскую Республику. Ветеран боевых действий.

С октября 2009 года — начальник УФСН России по Ямало-Ненецкому автономному округу.

Летом 2011 года назначен на должность начальника Управления Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков по Свердловской области.

1996. Капитан скоро станет майором. Михаил Каган (справа) получает первый юридический диплом

Блиц-опрос

— Самое радостное в вашей жизни?
— День рождения в детстве.
— Самое тяжёлое?
— Друзей, убитых в Чечне, хоронить.
— Кто-нибудь пророчил вам стать генералом?

— В Смоленске как-то случилось оказаться на холоде в одном ките. Зима, мероприятие важное и траурное — прощание с одним из местных коллег-силовиков. Не сбегать погребаться, даже двигаться нельзя. Стою. Терплю. Замерзаю. Рядом оказался начальник училища ПВО, генерал-полковник, мы с ним в ту пору конфликтовали. А тут поглядел-поглядел на меня, да вдруг снял куртку и накинул мне на плечи. Служивцы сказали потом: ну раз ты при всех стоял в генеральской куртке, то теперь никуда не денешься — быть тебе генералом. Пришлось стать.

— Кто-нибудь из ваших родных и близких носит погоны?
— Сестра — военнослужащая, офицер Внутренних войск.
— Если кто-то из родных и знакомых сетует, что не всех наркобаронов изловили, что отвечаете?
— Ловим.
— У вас много родни? Они все живут в Туле?

* — пистолет ТТ (Тульский Токарева) пользуется популярностью в преступном мире из-за высокой убойной силы.

— Да.
— Вы сменили много адресов и мест службы. Каких из них запомнилось больше?
— Запомнилась служба на острове Сахалин.

— Корабль терпит крушение, вам придётся жить на необитаемом острове, и туда можно взять три любых вещи или предмета. Что возьмёте?

— Оружие, спички, книгу.
— Что пришлось пережить самому, чего точно не пожелаешь своим детям?
— Командировку на войну.

— Если придётся выбирать напарника для рискованного дела (работы под прикрытием и т.п.), каким он должен быть?
— Не трусливым.
— Если бы вы не стали сыщиком и наркополицейским, то хотели бы стать кем?
— Всё равно сыщиком.

1988. По времени прапорщиком Михаил был меньше, чем генералом. С отцом Дмитрием Александровичем, мамой Людмилой Михайловной и сестрой Полиной